

Самогонокурение в Воронежской губернии в период НЭП

Евгений Андреевич Зверков
Воронежский институт МВД России, Воронеж, Россия, ZverkovPhD@yandex.ru

Аннотация. В годы Первой мировой войны царское правительство продемонстрировало значительные успехи в антиалкогольной политике, но революции и Гражданская война свели их на нет. В 1920-е гг. не только употребление алкоголя, но и частное винокурение приобрели значительные масштабы, в том числе в губерниях Центрально-Чернозёмной полосы России. О размахе самогоноварения сообщали из Воронежской, Тамбовской, Курской губерний. На основе материалов, выявленных в архивах Воронежской области, прослеживаются причины, тенденции и политика противоборства данному составу правонарушителя. Формируется вывод об отсутствии единой методологии ликвидации самогоноварения, противоречивом отношении к злоупотреблению алкоголем со стороны самих советско-партийных работников, значительной роли милиции в сдерживании и постепенном сокращении рассматриваемой девиации.

Ключевые слова: НЭП, Воронежская губерния, ВКП(б), милиция, самогонокурение, алкоголизм

Для цитирования: Зверков Е. А. Самогонокурение в Воронежской губернии в период НЭП // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 2. С. 86–93. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-2/86-93>

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-2/86-93>

Moonshining in the Voronezh province during the NEP period

Evgeny A. Zverkov
Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Voronezh, Russia, e-mail: ZverkovPhD@yandex.ru

Abstract. During the World War I, the tsarist government demonstrated significant success in anti-alcohol policy. Revolutions and Civil War have brought them to nothing. In the 1920s, not only alcohol consumption, but also private distilling acquired significant proportions, including in the provinces of the Central Chernozem strip of Russia. The scope of moonshine brewing was reported from the Voronezh, Tambov, Kursk provinces. Based on the materials identified in the archives of the Voronezh region, the paper traces the causes, trends and policies of confrontation with this offense. The conclusion is formed about the absence of a unified methodology for the elimination of moonshine, the contradictory attitude to alcohol abuse on the part of the Soviet party workers themselves, the significant role of the police in restraining and gradually reducing the deviation under consideration.

Key words: NEP, Voronezh province, VKP(b), police, moonshining, alcoholism

For citation: Zverkov M. V. Moonshining in the Voronezh province during the NEP period // Ojkumena. Regional researches. 2023. No. 2. P. 86–93. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-2/86-93>

Годы войн и революций подвергли российское общество жестоким испытаниям и привели к серьёзным психопатологиям и девиациям. Вошли в обыденность убийства, хулиганство, апатия и аномия граждан. Одной из распространённых форм проявления негативных социальных деформаций можно считать распространение злоупотребления алкоголем и самогоноварение.

Проблема злоупотребления алкоголем и его домашнего производства неоднократно рассматривалась в историографии. Например, Л.А. Крушанова рассмотрела особенности правового регулирования незаконного производства алкоголя в Советской России. В частности, она отмечает, что уже в мае 1918 г. ВЦИК и СНК приняли декрет "О предоставлении народному комиссару продовольствия чрезвычайных полномочий по борьбе с деревенской буржуазией, укрывающей хлебные запасы и спекулирующей ими", объявлявший самогонщиков врагами народа и грозивший им 10-летним лишением свободы [6, с. 111]. Впрочем, нам неизвестно ни единого случая реального применения подобных наказаний на территории Центрального Черноземья. Л.Ю. Комплеева исследовала вопрос государственной политики в сфере оборота алкоголя, методику противодействия частному винокурению. Автор приходит к выводу о двойственности и непоследовательности государственных мер на данном направлении [5]. С.В. Лёвин считал причинами низкой эффективности ликвидации самогоноварения потворство самогонщикам со стороны местных властей. Однако, на наш взгляд, автор несколько преувеличивает содействие самогонщикам со стороны милиции – вряд ли единичный пример позволяет говорить о системности [5, с. 20]. Также проблемам самогоноварения в эпоху НЭП посвящали свои труды С.Е. Панин [10], С.А. Павлюченков [9], И. Такала [14], стремясь выяснить реальное место самогоноварения в общественной жизни и причины его производства.

Источниковую базу работы составила документация Воронежского губкома и переписка милиции с органами публичного управления. В силу закрытого характера всей представленной в ней информации, она не предназначалась для политико-пропагандистских целей, содержит информацию, приближенную к реальности. Поэтому, на наш взгляд, сохранившиеся архивные источники, особенно аналитического характера, вполне могут использоваться в рамках данного исследования с целью получения фактических данных о рассматриваемой проблеме.

И алкоголизм, в том или ином его проявлении, и самогонокурение в наибольшей степени проявляли себя под влиянием двух переменных: неустойчивости административного аппарата и экономической нестабильности. Проблема самогонокурения носила повсеместный характер и привлекла внимание самого Ленина [7].

Это, в частности, подтверждается состоянием и Тамбовской губернии в 1921–1922 гг., поражённой и политическим, и экономическим, и правовым кризисом. В данном случае массовое потребление алкоголя было частью общей социально-психологической деградации и негативных криминогенных тенденций. Процветало не только самогонокурение, но и преступления против личности, слияние части местных властей губернии с преступностью [2]. А.М. Большаков, командированный из Москвы для инспекции Шацкого уезда, в январе 1920 г. описывал винокурный завод при ст. Нижне-Мальцево как "гнездо алкоголиков, болото, которое засасывало многих советских сотрудников".

Поддержание должностной дисциплины государственных служащих представляло собой исключительно сложную задачу, учитывая волны голода и поступательное обнищание населения. Воронежский Губернский отдел управления, анализируя работу в деревне летом 1920 г., сообщал о грубости обращения с гражданами, пьянстве советских служащих, растратах, взятках и бездеятельности (ГАВО). Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 9. Л. 95)¹. Американский историк П. Соломон отмечает, что для периода НЭП в целом были характерны такие хозяйственные преступления, как изготовление и сбыт самогона [13, с. 27].

Значит ли это, что проблемы возникли исключительно вследствие событий 1914–1920 гг.? Очевидно, такая постановка вопроса не будет отражать всей сложности проблемы. Моральный облик деревни вызвал определённые вопросы задолго до революции. Ещё в 1912 г. благочинный I округа Валуйского уезда протоиерей И. Сахаров писал: "пьянство и хулиганство – два страшных явления, от которых стоном стонет наша деревня" [3, с. 142]. Не только взрослые, но даже и дети прикладывались к бутылке – особенно, во время церковных праздников. Уже тогда Церковь приходилось прикладывать немалые усилия для сдерживания социального недуга [3, с. 142]. Длительное психологическое давление военно-революционной эпохи обусловило потребность людей находить выход в выплеске негативных эмоций – в том числе через алкоголь. Впрочем, подпольное производство алкоголя имело под собой и вполне прагматический аспект, связанный с проблемами экономического развития страны.

На почве паралича товарообмена между городом и деревней в 1922–1925 гг. самогонокурение стало распространяться в сёлах Черноземья как альтернатива утерявшему свою привлекательность отходничеству, а равно в силу искусственно заниженных цен на хлеб, что приводило к обеднению значительной доли крестьянских хозяйств. Проблемы такого рода встречались в том числе и в Курской губернии [12, с. 77]. В Тамбовской на фоне чудовищной бедности в 1923 г. возобновилось употребление в пищу суррогатов [12, с. 263].

На протяжении 1920-х гг. в России неуклонно возрастала доля преступников, осуждённых за деяния, совершённые в состоянии алкогольного опьянения: 3,6% в 1923 г., 4,2 в 1924-м, 7,9 в 1925-м, 17,9 в 1926-м, 23,9 в 1927-м, 27,3 в 1928-м [11, с. 94]. Легализация продажи сорокоградусной не могла в полной мере побороть производство суррогатного алкоголя вследствие слабого развития государственной торговли в деревне. Более того, к

¹ ГАВО – Государственный архив Воронежской области

середине десятилетия сложилась обратная ситуация – предприимчивая сельская буржуазия смогла наладить своеобразный экспорт самогона в города. С.Е. Панин, опираясь на свидетельства эпохи, подчёркивает, что у алкоголизма 1920-х годов была особая специфика, связанная с невероятными переживаниями кризисной эпохи, значительным количеством инвалидов, в том числе с расстроенной нервной системой, неустойчивой продовольственной и эпидемиологической обстановкой [11, с. 97].

В начале 1920-х годов алкоголизм представлял собой обыденность общественной жизни, став повседневной формой досуга как для простых граждан, так и для государственных служащих. Голод и нарушение товарообмена привели к небывалой популярности алкогольных суррогатов – самогона и хлебного вина, служивших не только своеобразным антидепрессантом, но и популярной валютой. Самогоноварение усилилось на фоне голода 1922 г. В числе его потребителей неоднократно отмечались продовольственные работники в Острогожском и Задонском уездах, в Калаче. В октябре 1922 г. в Воронежском губкоме развернулись ожесточённые прения по поводу пьянства советских работников. Удивительно, но большинство ораторов выступили в защиту пьющих товарищей. Некий Коллодий заявил: "если мы будем говорить откровенно, то придется сознаться, что 95% из нас выпивают", и весь вопрос, по мнению партаппаратчика, в том, чтобы не попадаться пьяным на публике (ГАОПИ ВО)² Ф. 1. Оп. 1. Д. 445. Л. 87). Ему, используя неординарные доводы, вторил некто Каменский: "Что такое пьянство. Пьянство – это дело понятное. Настолько ли выпил товарищ, выпил, чтобы это дело отразилось на рабочем классе – тут для нас этика. Что такое этика. Когда мы расстреливали, мы не боялись этики. Наша этика для развития социальной революции. Если нужно для развития социальной революции всем перепиться в один день – этика. В условиях НЭП наша этика должна быть в том, чтобы мы не отрывались от рабочего класса" (ГАОПИ ВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 445. Л. 119). Споривший с ними Бахметьев, очевидно, опасался чрезмерной близости к рабочему классу и подчеркнул, что в Калачеевской организации "за короткий промежуток времени было выпито 5 ведер спирта" (ГАОПИ ВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 445. Л. 125). Губком партии признавал повальное пьянство в партийных организациях, но предпочитал действовать кулуарно, не вынося сора из избы, в большинстве случаев ограничиваясь переводом пьянствующего работника в другую местность.

Самогонокурение носило волнообразный характер, приобретая особые масштабы осенью – после уборки хлеба, служившего главным ингредиентом суррогатного алкоголя. По данным внутренних проверок, ряд членов партии покрывали самогоноварение и даже сами его производили. Кадровые перестановки, предупреждения и исключения из партии могли дать самый незначительный эффект. Пьянство и взятки фиксировались губкомом и Контрольной комиссией среди низовых сельских работников в ходе проверок в 1925 г. В рамках кампании по пресечению хулиганства и бытового алкоголизма Воронежский губисполком 22 июня принял постановление о мерах борьбы с пьянством, запрещавшее появление пьяным в общественных местах и распитие самогона или денатурата. За нарушение мог налагаться штраф в размере до 25 рублей или 7-ми дней принудительных работ. Ужесточался порядок оборота алкоголя – столовые и рестораны могли отпускать вино только с разрешения Административного отдела или уездной милиции и только лицам старше 16 лет. Запрещалось допускать в кафе, столовые и рестораны лиц в состоянии алкогольного опьянения. Штраф за нарушение порядка продажи торговли составлял до 100 рублей. Постановлением от 18 декабря за появление в общественном месте в нетрезвом виде грозило до двух недель принудительных работ (ГАОПИ ВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1237. ЛЛ. 50, 171).

В 1922 г. Воронежским губисполкомом была инициирована проверка государственных служащих в Павловском уезде, подозреваемых в употреблении самогона и разврате (ГАВО. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 12. Л. 8). По оценкам властей Бобровского уезда, за 1922 г. крестьяне уезда в непростых продовольственных условиях перевели на самогон около 2700 пудов хлеба, т.е. пример-

² ГАОПИ ВО – Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области

но 43 тонны! На каждого самогонщика в среднем приходилось до пяти пудов зерновых. Самогон варили не только на основе хлеба, но и фруктов. Их в том же уезде и в том же году было потрачено до 5000 пудов. В среднем для производства одного ведра алкогольного суррогата требовалось около 30 кг. хлеба. Фруктов на тот же объём алкоголя приходилось использовать в два-три раза больше (ГАВО. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 13. Л. 6).

Власти Павловского уезда отмечали, что на вверенной им территории самогонокурение появилось ещё в 1914 г., во время введения сухого закона. С другой стороны, тогда самогонокурение не имело в губернии массового характера. Более того – потребление алкоголя резко сократилось и даже повлияло на укрепление крестьянского хозяйства [4, с. 240]. Основным продуктом для изготовления самогона, как и в других местностях, служила рожь. В голодном 1921-м году в качестве основы для браги шёл картофель, буряк, мел, грушёвая лажа, кислое молоко. За 1922 г. власти уезда изъяли 50 вёдер самогона и 1000 вёдер закваски (браги). По их оценкам, за декабрь 1922 – 1 декабря 1923 гг. в уезде были выработаны около 6 000 вёдер самогона, на производство которого ушло около 12 000 пудов зерновых – т.е. порядка 200 тонн хлеба. Основным производителем оставались бедняки. Реже – совслужащие или кулаки (ГАВО. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 13. Л. 8). Самогоноварение, с учётом сложностей в экономике, было исключительно выгодным занятием: в то время как пуд ржи после уборки урожая стоил 20 копеек золотом, ведро самогона – 60 копеек. На "рыночные котировки" самогона влияла и активность милиционеров по борьбе с самогонщиками – чем больших успехов добивалась милиция, тем меньше его становилось и тем дороже его сбывали оставшиеся на плаву "предприниматели". В сельской местности цена самогона превышала его себестоимость примерно в три раза, а в городе – в 4-5 раз. Несмотря на видимые успехи в борьбе с этим явлением, полностью искоренить самогоноварение не удавалось.

В Воронежском уезде ежедневно приходилось до 20 вёдер самогона на каждую волость – т.е. до 540 вёдер на уезд, на что уходило до 13 тысяч пудов зерна! За 1922 г. в уезде были учтены 907 фактов самогоноварения, львиная часть которых пришлись на весенне-осенний период (ГАВО. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 12. ЛЛ. 11, 11об.). В удалённом от Воронежа Новохопёрском уезде за тот же период было сварено приблизительно 3,5 тысячи вёдер. Рыночная цена самогона в уезде примерно в полтора раза превышала его себестоимость. Так же, как и в некоторых уездах, основным "производителем" выступали бедняки. Отличием было значительное влияние на бедняцкое "производство" кулаков – они выступали в качестве организаторов самогоноварения и поставщиков зерна, а бедняки – как фактические исполнители. Милиция уезда дополнительно стимулировала на борьбу с самогоноварением путём получения части штрафа, взысканного с нарушителя (ГАВО. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 12. Л. 12). Как показывает официальная документация, подобное премирование – кстати, приносящее результаты, использовалось лишь в отдельных уездах. Кроме того, милиции удалось добиться значительных успехов в Калачеевском уезде – в недавнем времени страдавшим от наплыва бандитских формирований. До начала кампаний по борьбе с суррогатами в одной только Красно-Загорянской волости ежедневно выгонялось до 10 вёдер самогона в день. Некоторые самогонщики работали вполне профессионально, используя и современные самогонные аппараты, и холодильники (ГАВО. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 12. Л. 77).

В Воронеже самогонокурение осуществлялось на окраинах города – там, где жила городская беднота, а также лица "свободных профессий, находящихся без дела". Были и сравнительно состоятельные "предприниматели", "доводящие свои "предприятия" до совершенства" с высоким качеством самогона. Появились и кустари, специализирующиеся на изготовлении всего необходимого для самогонокурения (ГАВО. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 12. Л. 27). Потребителями по большей части были представители бедноты и безработные. Рыночная цена самогона в губернском городе в пять раз превышала его себестоимость! Как и в Новохопёрске, воронежские милиционеры получали премиальные отчисления за поимку самогонщиков (ГАВО. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 12. Л. 27об.).

В 1924 г. самогонокурение имело хождение во всех без исключения уездах Воронежской губернии. Гнали и на продажу, и на "всевозможные надобно-

сти": на свадьбу, крестины, могарычи и т.п. Устройство самогонных аппаратов разнилось – от самых простых, из железа, до хорошо сконструированных, при преобладании первых, конечно же (ГАВО. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 13. Л. 5об.). В мае 1924 г. Особое отделение 19-й стрелковой дивизии рапортовало в Воронежский губотдел ОГПУ о насыщенности самогонными аппаратами Усманского уезда. Якобы этому потворствовали должностные лица местных органов, пьянствуя совместно с самогонщиками (ГАВО. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 12. Л. 6).

Государство испытывало определённые сомнения в практике привлечения самогонщиков к ответственности, придерживаясь принципа дифференцированного подхода по отношению к бедным и зажиточным крестьянам. В то время как первые отделялись штрафами, вторых отдавали под суд.

Употребление алкоголя имело прочные традиции – в виде "могарычей" к сделкам, продаже или покупке скота, по случаю свадьбы или крестин. При этом было несправедливо утверждать, будто бы его употребление носило массовый или повсеместный характер – документы органов власти, обычно достаточно детально описывающие те или иные девиации, ничего не говорят ни о распространении пьяной преступности, ни о иных вызывающих проблемах. Очевидно, алкоголь служил удобным средством бартерной торговли в условиях крупных экономических проблем. Власти, впрочем, интересовала не столько проблема искоренения употребления алкоголя, сколько изжитие самогонкурения по экономическим соображениям: в то время как доходы от продажи водки пополняли государственный бюджет, выручка от суррогата уходила вне государственных нужд.

Борьба с производством алкогольного суррогата повсеместно велась совместными усилиями милиции, волисполкомов, местных коммунистов.

Появление "русской горькой" повлияло на упадок самогонварения, хотя взыскания за самогонку в 1925 г. получили 7790 человек. Одновременно участились пьянство и хулиганство, мелкие кражи (ГАОПИ ВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1575. Л. 2об.). Противодействие партийному пьянству сохраняло половинчатый характер, вызванный закрытым характером партийной жизни и недопустимостью огласки негативных фактов. Один партийный работник в 1926 г. объяснил частое употребление алкоголя следующим образом: "Зайдешь к кому-нибудь, а там пьют и приглашают тоже пить, если отказаться, то могут обидеться и сказать – зазнался, а это будет отрыв от масс" (ГАОПИ ВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1521. Л. 76). Факты алкоголизма со стороны партийных работников вызывали раздражение и озлобление населения, вопрошавшего, на чьи деньги происходят гуляния.

Для государства алкоголь представлял двоякую проблему – массовое потребление грозило общественной морали и безопасности, но составляло важную статью государственных доходов. В 1926 г. в Воронежской губернии в продажу ежедневно поступало до 900 вёдер алкоголя (ГАОПИ ВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1575. Л. 3). Но это была не только воронежская проблема. За 1926-1927 гг. Центроспирт в целом продал 1988140 вёдер водки (ГАОПИ ВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 126. Л. 55об.).

В условиях откровенно негативных тенденций милиция получила возможность ускоренного административного судопроизводства в отношении пьяниц – штраф и направление на принудительные работы оформляли прямо в отделении. Начальник Адмотдела Воронежа Плаксин предложил сочетать нажим на пьяниц с показательными процессами над "шинкарями" (ГАОПИ ВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1575. Л. 4). Воронежские власти не выработали последовательной политики в отношении борьбы за трезвость – к 1928 г. рабочие районы Воронежа оказались насыщены винными и пивными заведениями – рассадниками пьянства, драк и хулиганства. Особенно много алкоголя потреблялось в дни базаров и получения зарплат на предприятиях: по оценкам милиции – два-три раза больше обычного (ГАОПИ ВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 126. Л. 55). В базарные дни кампанию рабочим составляли крестьяне. Попытка профилактики алкоголизма среди рабочих путём написания о них в стенгазетах могла дать и противоположный эффект – корреспондентов стали бить герои их статей [1].

Особое внимание ответственных должностных лиц губернии (с 1928 г. – области) привлекали пьяные выходы советско-партийных работников, дискредитировавшие всю систему власти. В 1928 г. в Воронеже разразился

скандал по поводу члена партии Филиппова, работавшего в Фатежском районе Курского округа и часто попадавшего местным жителям валяющимся пьяным прямо на улице. Он прибыл пьяным даже на собранный комиссией актив (ГАОПИ ВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 144. Л. 10). Так совпало, что спустя некоторое время в районе после неоднократных угроз был убит председатель сельсовета Косилов. Последовавшие в район проверки выявили пьянство и растраты в партийной организации. Запойным алкоголиком оказался секретарь Миленской ячейки, существовавшей лишь на бумаге. Партийная комиссия исключила из городской ячейки по отрицательным мотивам 6 человек из 42: за "пьянство до безобразия", злоупотребления служебным положением, растраты, склоки (ГАОПИ ВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 144. Л. 35).

События в Фатеже совпали с новой волной кампании по борьбе с самогонурением, начавшейся осенью 1928 г. За октябрь-январь были привлечены к административной ответственности 4641 человек, более 200 – к уголовной. Милиция изъяла 1423 самогонных аппарата, уничтожила почти 11 тысяч литров алкогольного суррогата (ГАОПИ ВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 508. ЛЛ. 54, 57).

Алкоголизм партийных работников приобрёл малопривлекательные формы во время ответного террора в деревне, который некоторые члены партии стали использовать в качестве прикрытия для собственных проступков. К примеру, в июне 1929 г. член комиссии по хлебозаготовкам Куровщинского сельсовета Фролов оговорил своего односельчанина, якобы стрелявшего в него из ружья на политической почве. Милиция установила, что в день ранения Фролов пил водку и совершил самострел. За клевету привлечён к ответственности по статьям 113 ("дискредитирование власти") и 182 ("хранение огнестрельного оружия без разрешения") УК РСФСР (ГАОПИ ВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 507. Л. 82). 9 июня 1929 г. дважды судимый за хулиганство член комиссии по хлебозаготовкам Е. Чемодуров, будучи пьян, обстрелял подводы с лесом, заявив, что на него якобы было покушение (ГАОПИ ВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 507. Л. 47). В этой связи необходимо отметить отнюдь не стереотипный следственный подход органов милиции и ОГПУ, стремившихся к объективному расследованию и исключению передачи в суд дел, основанных на наговорах или симуляции.

Подводя некоторые итоги, необходимо отметить исключительную взаимосвязь экономических, психологических и административно-политических факторов, повлиявших и на производство, и на употребление суррогатного алкоголя. Размытая этика профессионального поведения служащих местного звена выступала в качестве дополнительного провоцирующего фактора. Снижение производства и потребления алкоголя было возможно в сочетании мер административного и уголовного преследования, стабилизации экономического положения и создании условий для возврата к привычному ритму жизни и работы.

Литература

1. Алекс. Гр. // Коммуна. 1929. № 48 (2878). 28 фев. С. 5.
2. Доклад следователя губчека Свешникова в президиум губчека о поездке в Кирсановский уезд и о борьбе с дезертирством, бандитизмом и самогонварением // "Антоновщина". Крестьянское восстание в Тамбовской области в 1920–1921 гг.: документы, материалы, воспоминания. Тамбов, 2007. С. 100.
3. Иконников С.А. Пастыри Церкви. Служение и материальное обеспечение приходского духовенства центрально-чернозёмных губерний России (вторая половина XIX – начало XX века). Воронеж: Научная книга, 2019. 690 с.
4. Карпачёв М.Д. Воронежская деревня накануне революции 1917 года: промежуточные результаты аграрного реформирования // Северо-запад в аграрной истории России. 2020. № 26. С. 226-242.
5. Комплеева Л.Ю. Культура потребления алкоголя в Средневолжской деревне в период НЭПа // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 27. С. 722–724.
6. Крушанова Л.А. Историко-правовой аспект становления антиалкогольного регулирования в СССР: от идеи до законодательства // Lex Russica (Русский закон). 2022. Т. 75. № 8 (189). С. 108-118.

7. Ленин В. И. Заключительное слово по политическому отчету ЦК РКП(б) 28 марта // Ленин В. И. Полное собрание сочинений : в 55 т. М., 1970. Т. 45. С. 120.
8. Лёвин С.В. "Без моего ведома самогону боле не варить": Борьба с самогонварением в годы Гражданской войны в провинции (на примере Балашовского уезда Саратовской губернии) // Центр и периферия. 2022. № 3. С. 17–21.
9. Павлюченков С.А. Веселие Руси: революция и самогон // Революция и человек. 1997. С. 124–142.
10. Панин С.Е. Государство и самогон: российский опыт 1920-х. // Актуальные вопросы политики и права. 2003. Вып. 6. С. 103–112.
11. Панин С.Е. "Пьяная преступность" в России в 1920-е годы // Социологический журнал. 2002. № 4. С. 92–102.
12. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД : документы и матери-алы: в 4 т. / Т. 2. : 1923-1929 / под ред. А. Береловича, В. Данилова. Москва: РОССПЭН, 2000. 1168 с.
13. Соломон П. Советская юстиция при Сталине / пер. с англ. Л. Макси-менкова. Москва: РОССПЭН, 2008. 464 с.
14. Такала И. "Веселье Руси": из истории алкогольной проблемы в России (1900-1930 годы) // Нормы и ценности повседневной жизни. Становление социалистического образа жизни в России, 1920-1930-е гг. С. 244–298.

References

1. Alex. Gr. // Commune. 1929. No. 48 (2878). 28 Feb. P. 5. (In Russ.).
2. Report of investigator gubchek Sveshnikov to the presidium of gubchek on a trip to Kirsanovsky uyezd and on the fight against desertion, banditry and moonshine // "Antonovschina". Peasant uprising in the Tambov region in 1920-1921: documents, materials, memoirs. Tambov, 2007. P. 100. (In Russ.).
3. Ikonnikov S.A. Pastors of the Church. Ministry and material support of the parish clergy of the central chernozem provinces of Russia (the second half of the XIX – early XX century). Voronezh: Scientific Book, 2019. P. 690. (In Russ.).
4. Karpachev M.D. Voronezh village on the eve of the revolution of 1917: interim results of agrarian reform // The North-West in the agrarian history of Russia. 2020. No. 26. P. 226–242. (In Russ.).
5. Kompleeva L.Yu. The culture of alcohol consumption in the Middle Volga village during the NEP period // Izvestiya of Penza State Pedagogical University named after V.G. Belinsky. Series: Humanities. 2012. No. 27. P. 722–724. (In Russ.).
6. Krushanova L.A. Historical and legal aspect of the formation of anti-alcohol regulation in the USSR: from the idea to legislation // Lex Russica (Russian Law). 2022. Vol. 75. No. 8 (189). PP. 108-118. (In Russ.).
7. Lenin V.I. The final word on the political report of the Central Committee of the RCP (b) on March 28 // Lenin V. I. Complete works: in 55 vol. M., 1970. Vol. 45. P. 120. (In Russ.).
8. Lyovin S.V. "No more moonshine to cook without my knowledge": The fight against moonshine brewing during the Civil War in the province (on the example of Balashovsky district of Saratov province) // Center and Periphery. 2022. No. 3. P. 17–21. (In Russ.).
9. Pavlyuchenkov S.A. Joy of Russia: Revolution and moonshine // Revolution and man. 1997. P. 124–142. (In Russ.).
10. Panin S.E. The State and moonshine: the Russian Experience of the 1920s. // Current issues of politics and law. 2003. Issue. 6. PP. 103–112. (In Russ.).
11. Panin S.E. "Drunken crime" in Russia in the 1920s // Sociological Journal. 2002. No. 4. P. 92–102. (In Russ.).
12. The Soviet village through the eyes of the CHEKA-OGPU-NKVD : documents and materials: in 4 vols. / Vol. 2. : 1923–1929 / edited by A. Berelovich, V. Danilov. Moscow: ROSSPEN, 2000. P. 1168. (In Russ.).
13. Solomon P. Soviet Justice under Stalin / translated from English by L. Maksimenkova. Moscow: ROSSPEN, 2008. P. 464. (In Russ.).
14. Takala I. "The Fun of Russia": from the history of the alcohol problem in Russia (1900-1930) // Norms and values of everyday life. The formation of the socialist way of life in Russia, 1920–1930-ies. P. 244-298. (In Russ.).

Информация об авторе

Евгений Андреевич Зверков, канд. ист. наук, доцент кафедры социально-гуманитарных, экономических и правовых дисциплин Воронежского института МВД России, Воронеж, Россия, e-mail: ZverkovPhD@yandex.ru

Information about the author

Evgeny A. Zverkov, Evgeny A. Zverkov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Socio-humanitarian, Economic and Law Disciplines, Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Voronezh, Russia, e-mail: ZverkovPhD@yandex.ru

Поступила в редакцию 06.03.2023

Received 06.03.2023

Одобрена после рецензирования 03.05.2023

Approved 03.05.2023

Принята к публикации 18.05.2023

Accepted 18.05.2023